

Литературный АЗЕРБАЙДЖАН

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Год издания XIV

№ 12

Декабрь 1956 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Сабит РАХМАН. Волк. Рассказ (перевод Ю. Гранина)	3
Али КЕРИМОВ. Моя улица. Девушке. Каспий. Бакинский ветер. Два влюбленных. Трудное свидание. Стихи (перевод И. Оратовского)	23
В. ВАСИН. Верность. Стихи	27
Габиль ИМАМВЕРДИЕВ. Три стихотворения (переводы Вл. Корнилова, Вл. Кафарова)	28
Маркар ДАВТЯН. Виноградная лоза. Повесть (окончание. Перевод Д. Гликштейна и С. Каспарова)	30
Инна ЛИСНЯНСКАЯ. Радуга. Сестры. На «Андоге». Севан. В пути. Зимой. ***. ***. В разлуке. Костер. Стихи	92
САТИРА И ЮМОР	
Тофик МУТАЛИБОВ. Весы и продавец. Сваты не пришли. Стихи (перевод В. Портнова)	96
Давуд ОРДУБАДЛЫ. В новом доме. Мурад и водка. Все в порядке. Стихи (перевод Ю. Фидлера)	97
Дм. МИНКЕВИЧ. Поэт-трибун	99
Гамид АРАСЛЫ. Культурные и литературные связи азербайджанского и индийского народов	104
Паша ЭФЕНДИЕВ. Новое издание эпоса «Кероглы»	113
В Союзе писателей Азербайджана	117
Содержание журнала «Литературный Азербайджан» за 1956 год	118

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА
БАКУ

Сабит РАХМАН

ВОЛК

Рассказ

Сыну моему Эмину

I

Фархад стоял у окна третьего этажа и смотрел на город. Баку горел мириадами огней. Отражение набережных фонарей на водной глади бухты напоминало Фархаду звезды, упавшие с неба.

Маленькая девочка сидела за роялем. Она недавно научилась играть и потому исполняла только небольшие пьески и этюды. Лейла-ханум, жена Фархада, красивая седеющая женщина лет пятидесяти, часто делала ей замечания, показывая, как надо держать руки, и, чтобы она не сбилась с такта, громко считала «раз—два», «раз—два».

Фархад перешел в другую комнату. — Не надо мешать занимающимся. — Но и сюда отчетливо доносилось: «раз—два», «раз—два»...

Рояль в доме Фархада очень редкий, прекрасного тона. Фархад вспомнил историю покупки инструмента. Приближалось двадцатипятилетие со дня их женитьбы, так называемая «серебряная свадьба». В честь этого он решил сделать Лейле дорогой подарок. Долго бродил он по городу, в комиссионном магазине увидел этот рояль и купил его.

Лейла очень обрадовалась подарку.

Как хорошее платье выгодно оттеняет красоту женщины, так и хороший музыкальный инструмент подчеркивает красоту музыки и мастерство исполнителя. Лейла целыми днями играла, не в силах оторваться от рояля. Только после того, как в доме появился рояль, Фархад оценил незаурядное исполнительское мастерство своей жены.

В доме неожиданно погас свет, разом прервался голос и рояль умолк.

Фархад быстро перешел в соседнюю комнату.

— Почему нет света?

— У соседей горит...

— Наверное, счетчик.

В комнате не было совсем темно — огни с улицы рассеивали мрак.

Фархад не разбирался в электричестве. Сына соседа, студента политехнического института, не было дома. Поэтому пришлось позвонить в БАГЭС и вызвать монтера.

Помучившись с полчаса, Фархад, наконец, дозвонился. Ему ответили, что в данную минуту ни одного свободного монтера нет. После на-

стоятельных просьб Фархада ему сказали, что есть один монтер, в обязанности которого входит только отрезать свет у неплательщиков.

Фархад впервые услышал о монтере, который только «отрезает», и попросил, чтобы прислали хоть его. С улицы, ярко освещенной, доносились звуки проезжающих автомашин и троллейбусов. Комнаты Фархада выделялись черными точками на общем светлом фоне.

Немного погодя, девочка, устав ждать, ушла. В комнате вдруг наступила тишина, подобная той, которая настает, когда из родника перестает течь вода. Лейла встала, подошла к роялю, отложила детские ноты и, задумавшись, стала перебирать пальцами клавиши; комнату наполнила мелодия — то тревожная, то ласковая.

Фархад очень любил слушать игру жены, радовавшую и волновавшую его, навеивавшую мечты и раздумья. И теперь, едва Лейла заиграла, ему показалось, что в квартире уже зажглись огни, и кругом ослепительно светло. А может быть здесь даже не комната, а сад, полный ароматных цветов... Встнул легкий ветерок, шевеля лепестки. Потом ветер усилился, сверкнула молния, загредел гром. Цветы задрожали под натиском ветра. Фархаду показалось даже, будто он слышит их жалобы. Но вот тучи рассеялись, выглянуло солнце. Весело щебетали птицы. И среди этого щебетания, этих чистых и наивных песен раздался чей-то низкий и хриплый голос:

— Ну, где тут у вас находится счетчик?..

Это был высокий неповоротливый мужчина. Лица его в полутьме нельзя было разглядеть. Только по тому, как часто и хрипло он дышал, можно было определить, что он стар и страдает астмой.

В коридоре он зажег спичку, поковырялся в счетчике, затем стал обходить комнату, проверяя проводку. Наконец, он зашел в столовую, провел рукою по стенам, поставил поверх рояля лестницу и взобрался на нее. Зажег спичку и пробормотал:

— Черт побери, куда же он девался... А ну-ка, друг, подай мне молоток.

— Ты со мной? — спросил у него Фархад.

— А то нет? — грубо ответил монтер. — Сам с собой, что ли, разговариваю? Молоток лежит на полу, возле лестницы, дай-ка его сюда. Дело монтера — собачье. С утра до вечера то у тех ворот, то у этих, то на том столбе, то на этом...

Фархад поднял с пола тяжелый молоток и протянул монтеру. Тот взял его и что-то стал забивать в стене. Это был, по всей вероятности, фарфоровый ролик. После первого же удара на рояль посыпались осколки. Фархад не успел предупредить монтера быть поосторожнее, как тот выронил молоток, с грохотом упавший на крышку рояля.

Фархад бросился к роялю, но было уже поздно. От крышки отлетел кусок. Фархад до того огорчился и разозлился, что даже потянулся к ноге монтера, как бы с намерением стащить его с лестницы.

И вдруг в комнате зажегся свет. Это была чистая случайность. Монтер только и сделал, что забил ролик и оттянул электрический провод. Сам он тоже удивился вспыхнувшему свету и оглянулся по сторонам. Потом посмотрел вниз — узнать, что поломано.

Тут Фархад отчетливо увидел его лицо. Худое и обросшее, оно показалось ему знакомым.

И Лейла внимательно смотрела на лицо монтера. Потом она испуганно прошептала:

— Это он... я узнала его...

Фархад злобно крикнул:

— Сойди вниз! Смотри, что ты наделал.

Монтер слез с лестницы и, не оглядываясь на рояль, пренебрежительно сказал:

— За ремонт заплачу... Люди ломают себе ноги и то их чинят. А что такое какие-то деревяшки?

И направился к двери. Но Фархад, всегда мягкий и добродушный, неожиданно ловко подскочил к двери и схватил монтера за руку.

— Стой! — крикнул он. — Не увиливай...

Он повернул монтера лицом к свету и, внимательно оглядев его, спросил:

— Ты не Бахрамбек?

Лейла, не отрывая взгляда от его лица, придвинулась ближе и вновь повторила:

— Он... я узнала его...

Монтер рванулся, высвободился из рук Фархада и хрипло сказал:

— Какой там бек... прошло время беков...

Затем, быстро перебросив мешочек с инструментами за спину, вышел и бегом стал спускаться с лестницы.

Фархад бросился за ним, но монтера и след простыл.

Фархад быстро прошел в спальню. Лейла лежала ничком на кровати и рыдала. Фархад подошел к ней, положил руку на ее плечо, сел рядом, но не сказал ни слова. Иногда слезы успокаивают человека.

Немного погодя Лейла поднялась и села, вытерла глаза и, взглянув на Фархада, сказала:

— Вспомнила прошлое, не могла удержаться. Почему хорошие люди умирают, а плохие живут?

— Нет, не так... — ответил задумчиво Фархад. — Плохим людям сейчас особенно трудно ужиться в нашем обществе. Но бывает, что бахрамбеки, как упрямые сорные травы, все-таки удерживаются и портят жизнь другим.

Лейла глубоко вздохнула:

— Прошлое, ужасное прошлое ожило передо мной.

Фархад о чем-то думал. Приход монтера взволновал его. Вспомнились далекие годы.

II

Село занесло снегом. Дорожки стали непроходимыми. Связь с городом нарушилась. По вечерам, когда с гор дул холодный ветер и мороз крепчал, нельзя было выйти из дому. Люди кое-как еще оберегались от мороза. Страшнее было со скотом. В старых, плохо приспособленных к зиме коровниках, в землянках скот столкнулся с тремя врагами: холодом, голодом и волками.

Изголодавшаяся стая волков так обнаглела, что врывается среди бела дня в село. Один бирюк пробегал село из конца в конец и каждый раз заставлял кого-нибудь плакать. Бык или баран — все достояние крестьянина. Лишись он их — что же тогда делать его семье?

Была зима 1919 года. Мусаватское правительство хотело залить кровью усиливавшееся в Баку и районах революционное движение. Всюду рыскали и всячески издевались над людьми мусаватские офицеры.

Только маленькое село Себетли, расположенное в горах, было в стороне от этих событий. Как будто чья-то мощная рука забросила село Себетли высоко в горы.

Была ночь, темная снежная ночь. Каждый в селе Себетли сидел у себя дома, за крепкими засовами.

При свете маленькой керосиновой лампы Лейла чинила рубашку отца и тихо напевала. В старинной народной песне говорилось о несчастливой любви, о разлуке, о смерти. Если бы эту песню услышал случайный прохожий, изгрустнулось бы и ему. Голос у Лейлы был не сильный, но нежный и мелодичный. Собственно, не в голосе дело. Среди сельских девушек Лейла выделялась способностью тонко и глубоко чувствовать песни, придавать им неповторимые своеобразные оттенки. И, кроме того, Лейла была красивой, стройной. Лишившись в двенадцать лет матери, она, несмотря на тяжелую работу по хозяйству, сумела сохранить всю свою девическую нежность.

Лейла пела совсем тихо, чтобы не разбудить отца, который спал в углу на циновке. День изнурительного труда подкосил его. Изредка раздавалось его похрапывание.

Исмаил-киши был еще не очень стар, но почитался сельчанами одним из уважаемых агсакалов. К нему часто обращались за советом и помощью. Он даже лечил больных. Несмотря на то, что Исмаил-киши сам был беден, он готов был всегда поделиться последним куском. Крестьяне говорили, что у него кошелек маленький, но сердце большое.

Лейла пела. А в соседней комнате Фархад, одетый, лежал на постели и в темноте прислушивался к ее голосу. Хотя песня была грустной, она почему-то глубоко радовала Фархада. Конечно, не всякая грустная песня может радовать. Но если к грустной песне прибавить два юных сердца и голос чистый как ключевая вода и мягкий как бархат, то не трудно понять причину людской радости...

На улице темнело. Месяц изредка выглядывал из-за облаков, освещая Себетли и искрсясь на снегу. В эти минуты и в комнате Фархада становилось светлее.

Комната Фархада... Можно подумать, что половина дома Исмаила-киши принадлежала этому юноше. Но нет, всего лишь месяц гостил Фархад в этом доме. Молодой парень, сын близкого друга Исмаила-киши, он был очень дорог ему.

Фархад родился в Себетли. Вскоре умерли его мать и маленькая сестренка. Отец не захотел оставаться в этих краях. Он взял с собой единственного сына, закрыл свой домик на замок и уехал в Баку. Два года работал на нефтяных промыслах, потом заболел, долго лежал, а в прошлом году умер. Фархад остался один и стал зарабатывать на кусок хлеба музыкой. Этому он научился еще в деревне, играя сперва на дудке, а затем на сазе. Позже, в Баку, он стал играть на таре.

Но вскоре Фархад понял, что тар его не прокормит. Его не удовлетворяла и музыка, которой он услаждал слух пировавших богачей, в то время как страну объяло пламя борьбы и всюду слышались стоны измученного народа. И Фархад оставил Баку, где все чаще происходили столкновения и пахло порохом, и, разъезжая по селам, стал изучать народную музыку. Но дело это оказалось нелегким. Средств на существование не было. В конце концов он вынужден был продать тар. Этих денег едва хватило на один месяц. Усталый, изголодавшийся, он вернулся в родное село, в свой дом.

Но дома уже не было. Еще в самом начале зимы, под тяжестью снегопада, он развалился. Поэтому Фархад остановился в доме Исмаила-киши.

Детство Лейлы и Фархада прошло вместе. Но теперь, спустя много лет, встретив Лейлу, Фархад испытал неведомое ему чувство и целый ме-

сяц ходил, как одержимый. Долго не мог он понять, что это пришла любовь...

Лейла пела. И перед Фархадом возникали картины его детства и неудачливой юности.

В двери кто-то постучался. Лейла умолкла и насторожилась. Исмаил-киши вскочил с циновки:

— Кто там? — спросил он громко.

За дверью раздался тихий голос:

— Это я, Мурад... Откройте, я истекаю кровью.

Исмаил-киши поспешно отворил.

В комнату вошел их сосед Мурад. Он прислонился к стене, потом медленно опустился на пол. Его лицо и руки были в крови, одежда изорвана.

Исмаил-киши поднял Мурада и осторожно повел его к циновке. Лейла подхватила подушку и положила под голову раненому.

— Кто это с тобой так расправился, Мурад? — тихо спросил Исмаил-киши.

Тот приподнялся, посмотрел на дверь и испуганно сказал:

— Волк.

Исмаил-киши, Лейла и Фархад, который появился в дверях, были ошеломлены.

— Где ты встретился с волком? Когда?

Этот вопрос как будто прибавил сил Мураду. Он начал рассказывать прерывающимся голосом:

— Я работал в соседнем селе (Мурад зимой работал каменщиком). Замешкался, а тут наступил вечер. До нашего села дошел спокойно. И вдруг у самой околицы проклятый бросился ко мне. В руке у меня была дубина, и я кое-как защищался. Потом уронил дубину. Пока нащупал ее в снегу, волк напал.

Мурад ослаб и лег. Исмаил-киши повернулся к дочери.

— Там, на полке есть чистая тряпка. Принеси ее.

Мурада перевязали, он хотел уйти домой, но из-за ран на руках и лице, а может от страха, не решался. Ему казалось, что волк подстерегает его у дверей, и стоит выйти, как зверь бросится на него. Он остался ночевать у Исмаила-киши.

Наутро все село знало:

— На Мурада напал волк...

Крестьяне толпами повалили к дому Исмаила-киши. Пятеро детей, жена и две сестры окружили Мурада. Но он не знал об этом, за ночь руки и лицо у него распухли, он лежал в жару, без памяти.

Крестьяне поняли, что Мурад в опасности, и решили послать в соседнее село за моллой. Но Мурад не дождался его — под плач семьи он умер.

Эта весть потрясла все село.

— Что делать? Зима лютая, люди живут впроголодь, а тут еще волки. Оружия нет, город далеко.

Всю ночь сельчане совещались. Наутро Исмаил-киши и кузнец Мардан взяли свои дубинки и отправились в город оповестить о случившемся.

В уездном городе трудно было разобраться, на чьей голове шапка. У кого кулак был крепкий, тот объявлял себя правителем. Один, воспользовавшись смутой, даже объявил себя падишахом уезда и властью

ствовал целую неделю. Потом этот «падишах» скатился вниз и стал смотрителем базара.

Что могли сделать в такой неразберихе Исмаил-киши и Мардан? Их даже толком не выслушали. Подумаешь, большое дело, в Себетлах волк напал на человека. Не посылать же теперь из-за этого особых войск?..

Долго Исмаил-киши и Мардан ходили по разным местам, но безуспешно. Наконец, решили вернуться.

Проходя мимо лавки армянина, мастера музыкальных инструментов, Исмаил-киши вспомнил, как Фархад сокрушался, что продал свой тар. А что если купить ему новый?

Продавец оказался добрым и сговорчивым человеком. Он выбрал тар и цену назвал небольшую. Исмаил-киши немного подзаянл у Мардана, купил тар, уложил его при помощи мастера в старый мешок, запеленав, как ребенка.

...Мороз крепчал. Ветер, дувший с гор, обжигал их загорелые лица, огрубевшие тяжелые руки. Они устали настолько, что ног под собой не чувствовали.

Совсем близко от села они встретились с двумя всадниками. Впереди ехал черноглазый мужчина в папаше, закрутивший усы полумесяцем кверху. За его спиной была винтовка, а сбоку висел маузер. Всадник, ехавший позади, тоже был вооружен. Его смуглое лицо было так искоренно оспой, словно курица поклевала тесто. Морщины вокруг маленьких и хитрых глаз подчеркивали, что он старше своего спутника.

Увидев Исмаила-киши и Мардана, человек в папаше остановил лошадь.

— Как называется это село? — спросил всадник.

Мардан подтолкнул Исмаила вперед.

— Пойди объясни. Наверно, это большой человек.

Несмотря на холод, Исмаил-киши снял шапку, сделал несколько шагов вперед и сказал:

— Это село Себетли, да буду я жертвой тебе.

— Дезертиры в вашем селе есть?

— Нет...

Всадники хотели уехать, но в это время Мардан потянул Исмаила-киши за руку:

— Что же это ты, расскажи им о нашем горе.

Исмаил-киши расхрабрился:

— Господин! — окликнул он.

Всадники остановились. Исмаил-киши подошел ближе и рассказал, что случилось в селе.

Рябой внимательно огляделся по сторонам и с удивлением произнес:

— Волк?

— Да, господин, волк.

— Приходит каждую ночь?

— Да, господин, приходит даже днем.

Он повернулся лицом к человеку в папаше и сказал:

— Вот здорово, Бахрам, какая удача. Эту винтовку я купил вчера и не успел испытать. Поедем, а?

Человек в папаше повернулся в сторону села, потом оглядел Исмаила-киши и недовольно сказал:

— Умоляю тебя, Раджаб, не выдумывай. Где бы мы ни остановились переночевать, наберем всяких насекомых, так что нужен будет целый пуд мыла, чтобы их вывести.

— Нет, нет. Прошу тебя, поедем, — сказал Раджаб. — Знаю, твои мысли заняты дочерью Акопа, но одним днем мы ничего не испортим. — А затем, повернувшись к Исмаилу-киши,скомандовал: — Показывай дорогу!

Возле дома Исмаила толпились люди. Сельчане, еще издали заметив всадников, собрались сюда. Медленно сгущались сумерки. Из дома Мурада слышался плач женщин и детей. Временами казалось, будто ветер завывает между скал, занесенных снегом.

Бахрамбек спросил, зачем здесь столпился народ.

— Вас ждут, господин, — ответил Исмаил-киши. — Увидя вас, люди осмелели. А то в это время никто бы не вышел из дому.

Всадники подъехали ближе. Бахрамбек вдруг приостановил коня и тихо сказал:

— Раджаб! Посмотри на ту девушку возле дома, какая красавица, бог мой... Клянусь тобой, Сирануш не достойна даже подавать ей воду.

— Каждый фрукт имеет свою прелесть, друг Бахрам, — сказал Раджаббек, оглядывая девушку, и шепнул: — Правду говоришь. Точно ангел. Интересно, чья она дочь?

— Девушка вышла из того дома. Сейчас я узнаю, чей этот дом.

Бахрамбек проехал чуть вперед, сперва громко поздоровался со всеми, а затем спросил у Исмаила:

— Слушай, чей это дом?

— Мой дом, да буду я жертвой тебе...

Бахрамбек сошел с коня.

— Ну, тогда води нас к себе домой, мы хоть согреемся. Неужели ты хочешь, чтобы мы голодными, прямо сейчас отправились искать волков?

— Нет, господин, прошу, пожалуйста, мой дом — ваш.

Бахрамбек передал коня Исмаилу-киши и, обратившись к крестьянам, сказал:

— Расходитесь по домам. Не бойтесь... Где Бахрамбек, туда волк от страха и близко не подойдет.

Крестьяне стали медленно расходиться. Бахрамбек и Раджаббек вошли в дом Исмаила-киши.

После туманного холодного дня наступила темная ночь. Крестьяне принесли в дом Исмаила-киши, кто что мог: мясо, сыр, хлеб, чтобы он достойно угостил «беков, уничтожающих волков». В эту ночь никто не спал: ждали, когда же беки пойдут на волков. Но только в двух домах горел свет — в доме Мурада и Исмаила-киши. В доме Мурада плач все продолжался: покойника еще не похоронили. Его третья сестра только к вечеру приехала из далекого села.

А в доме Исмаила-киши беки громко смеялись, шутили, требовали еду. В эту ночь в селе сложилась поговорка: «Легче накормить целое войско, чем двух беков».

...В одной комнате сидели гости, а в другой — Лейла и Фархад. Лейле было грустно, а Фархад, получивший подарок Исмаила-киши, от радости был сам не свой. Когда закрыли дверь в другую комнату, он вынул тар из чехла и внимательно оглядел. Настроил и ударил по струнам. Раздался жалобный звук, будто кого-то ударили по больному месту.

Фархад еще раз оглядел тар.

— Хороший инструмент. Опытный мастер делал, — сказал он и, чтобы гости не слышали, стал тихо наигрывать.

Лейла была заморожена его игрой.

...Теплая и чистая комната Исмаила-киши пришлась Бахрамбеку по душе. Но две вещи ему не нравились: во-первых, задержка в подаче еды и, во-вторых, девушка не показывалась.

Зная взгляды крестьян, Бахрамбек не хотел говорить об этом сразу. Можно было испортить дело. Он начал издали:

— Исмаил-киши, — ласково обратился он к хозяину дома, — что ты там делаешь? Поддай нам чего-нибудь поесть. Право же, мы умрем с голоду.

— Сейчас, бек, приготовлю.

— Почему сам готовишь? Разве здесь нет женщин?

— Нет, родной. Жена давно умерла, а дочь еще дитя. Я сам привык хозяйничать и могу недурно стряпать.

— Сколько лет девочке?

— Только что исполнилось шестнадцать.

Исмаил-киши нарочно скинул два года, ему совсем не нравился интерес бека к его дочери.

— Чтобы не сглазить, — сказал Бахрамбек, кивая в сторону комнаты, где была Лейла. — Уже большая девушка, пора выдавать замуж.

— Тяжело живем. Не до свадьбы.

— А кто этот молодой парень? Сын твой?

— Нет, не мой, сын моего друга. Приехал из Баку к себе домой, но дом его обветшал и развалился, и юноша остановился у меня:

— Что он в Баку делает?

Исмаил-киши не хотел говорить об умении Фархада играть на таре, — боялся, что беки сейчас же потребуют, чтобы тот сыграл, и тогда в доме начнется гулянка, а ведь у соседей траур. Поэтому он коротко ответил:

— Рабочий. На нефтяном промысле работает.

Бек больше не задавал вопросов, и Исмаил-киши вышел.

Бахрамбек задумчиво сказал:

— Этот его парень мне совсем не нравится...

Немного погодя вновь принесли кушанья. Поев, Бахрамбек обратился к своему спутнику, который полулежал на подушке:

— Раджаб, клянусь тобой, здесь без коньяка не обойтись, придется залезть в хурджун.

— В хурджуне осталось всего две бутылки. Лучше если мы сохраним их до города. Зачем портить коньяк в доме этого мужика? Жалко.

— В городе я найду тебе коньяк. Что-то у меня беспокойно на душе. Раджаббек нехотя встал. Появились две бутылки.

Бахрамбек, глядя на них, сказал:

— В той комнате такой ягненок, а мы здесь сидим одни...

— Какой ягненок?

— Я говорю о девушке. Без нее кусок не лезет в горло.

— И я ем без аппетита.

Так, жалуясь на свой аппетит, они вдвоем в течение десяти минут уничтожили все, что им было подано. Одна бутылка опустела. Бахрамбек повеселел. То и дело раздавалось:

— Исмаил-киши, поддай есть!

— Дай соль!

— Какое вкусное мясо! Поддай еще.

Наконец, Бахрамбек пожелал духовных наслаждений. Сперва он сказал Исмаилу-киши, чтобы тот привел музыкантов, а когда узнал, что в селе их нет, потребовал, чтобы пришла Лейла и танцевала бы перед ними. Не беда, если нет музыкантов. Раджаббек и на губах прекрасно наигрывает танец таракама.

Исмаила-киши бросило в жар. До сих пор он покорно стоял в дверях, сложив руки на груди. Теперь же руки у него невольно опустились.

— Что вы сказали, бек? — спросил он приглушенным голосом. — Моя дочь не танцовщица.

Бахрамбек расхохотался:

— Не обижайся, старик! Что такое танец? Искусство. А что вы, крестьяне, можете знать об искусстве? Эй, Раджаб, налей-ка коньяку...

В соседней комнате Лейла дрожала от страха. Услышав, что Бахрамбек произносит ее имя, она побледнела и забилась в угол комнаты. Как ни старался Фархад успокоить ее, ничего не помогало. Сейчас Лейла, говоря словами древних поэтов Востока, напоминала джейрана, скрывавшегося от преследований.

А «охотник» громко смеялся, требовал есть или же кричал:

— Зови сюда Лейлу-ханум, пусть хоть раз возьмет бокал и чокнется с нами.

Слышался тихий, дрожащий голос Исмаила-киши:

— У нас нет ханум... Мы — бедные крестьяне.

— Беден — сделаю богатым, — гремел Бахрамбек. — Ты знаешь, что такое быть моим другом? Ровно половина Азербайджана подчинена мне. Зови свою дочь, посмотрим на нее...

Исмаил-киши уже не смог сдержаться и громко крикнул:

— Бек! Есть мой хлеб и оскорблять мою дочь бесчестно.

— Замолчи, дурак! — крикнул Бахрамбек.

Потом что-то разбилось, и в дверь комнаты сильно ударили ногой. Слабый крючок не выдержал, и дверь распахнулась настежь.

Бахрамбек ворвался в комнату. Тяжело дыша, он огляделся по сторонам и крикнул:

— Где она? Где этот райский цветок?

Его глаза налились кровью.

Вдруг он заметил на окне тар Фархада, подошел, взял и оглядел его со всех сторон.

— Акопа тар... Наверно, по этим струнам скользили пальцы Сирануш.

В эту минуту его взгляд упал на Лейлу, которая, съежившись, сидела в углу. Всплеснув от восхищения руками, он пробормотал:

— Боже мой, как сумел он вырастить в этом мусоре такой прекрасный цветок?

Он бросился к Лейле, но сильные руки Исмаила-киши удержали его. Бахрамбек попытался вырваться, но тщетно, и отступил. Тар выпал из его рук и раскололся.

В следующее мгновение они схватились.

Воспользовавшись краткой передышкой, Исмаил-киши кликнул Фархада:

— Фархад! Уведи девушку. Прыгайте в окно.

Когда они прыгали во двор, Бахрамбек и Исмаил-киши уже катались по полу.

Проваливаясь в снег по колено, Фархад и Лейла бросились бежать. В доме Мурада уже не слышно было плача. Только в окне был виден слабый свет. Фархад, взяв за руку дрожавшую от страха и холода Лейлу, направился к этому дому. Карабкаясь, падая, они подошли и открыли дверь.

Увидев Фархада и Лейлу в таком смятении, несколько женщин в один голос крикнули:

— Волк!

Для этой семьи слова «волк» и «смерть» означали одно и то же. Женщины окружили Фархада и спросили:

— Где вы встретились с волком?

— Как вам удалось спастись?

Фархад, еле шевеля замерзшими губами, с трудом ответил:

— Не волк, бек... бек, которого привел в село дядя Исмаил... напал на Лейлу... Не волк, а бек... Он хуже волка. Еле убежали.

Все были поражены. Человек, которого позвали убить волка, сам нападает на людей.

Бахрамбек в одной рубашке метался по улице с пистолетом в руке, забегал в дома, спрашивая: «Где девушка? Где джейран?» От него не отставал Исмаил-киши, у которого лицо было в крови. Чтобы спасти свою дочь от Бахрамбека, он цеплялся за него, с голыми руками нападал на вооруженного человека.

А Бахрамбек, действительно, напоминал разъяренного волка. Чтобы удовлетворить свою страсть, он готов был все вокруг затопить в крови. Он ломал окна, врвался в двери. Женщины, собравшиеся в доме Мурада, боялись уходить. Там уже забыли о покойнике.

В этот дом Бахрамбек ворвался не через дверь, а через окно. Женщины в испуге рассыпались по сторонам. Только Лейла, растерявшись, не сдвинулась с места и осталась стоять посередине комнаты. Волосы ее рассыпались по плечам, и от этого ее побледневшее лицо казалось еще прекраснее. От волнения грудь ее высоко вздымалась, и Бахрамбеку казалось, что сердце девушки бьется от избытка чувств.

Он раскрыл объятия и направился к Лейле, но вдруг увидел перед собой чье-то окровавленное лицо. Это был отец девушки. Бахрамбек поднял пистолет...

Исмаил-киши рухнул, как подрубленное дерево.

В эту минуту к беку бросился Фархад. Он вырвал из его рук пистолет. Лишившись пистолета, Бахрамбек почувствовал, как земля ускользает из-под его ног. Словно волка лишили клыков.

Бахрамбек закричал:

— Ты вырвал у меня пистолет? Раджаб, принеси винтовки. Раджаб, они хотят меня убить... — Он отступил к двери, выскочил на улицу и побежал, взывая к Раджаббеку.

Исмаил-киши был тяжело ранен. Он часто терял сознание. С трудом удалось остановить кровь. Едва ему перевязали раны и уложили его, как раздались выстрелы. Бахрамбек и Раджаббек пустили в ход свои винтовки.

Раненого вынесли через заднюю дверь дома. Его держали под руки Лейла и Фархад. Крестьяне помогали им.

Они сами не знали, куда идут, старались только уйти подальше от выстрелов. Исмаил-киши все время стонал и говорил Лейле:

— Иди рядом, дочь моя. Пока я жив, не отдам тебя им.

Они дошли до развилки дорог. Слева слышались шаги приближающихся беков. Одна пуля пролетела над головами крестьян. Люди повернули направо, но тут совершенно неожиданно дорогу им преградил силуэт волка, казавшийся особенно черным на белом снегу.

Слева — человек, справа — волк. Но вооруженные беки так были страшны людям, что двинуться к волку казалось им более безопасным.

Волк был совсем близко. Он прижался к земле, готовясь к прыжку.

В это время позади раздался крик:

— Вот они, Раджаб, быстрее, видишь на снегу...

— Видишь волка, Бахрам? Отойди, дай я застрелю его, а то убежит.

— Зачем тебе волк? Торопись. Девушка уйдет.

— Девушка... волк... для меня нет разницы. Я хочу испытать свою винтовку. А ну...

Раджаббек выстрелил. В тот же миг волк свалился на бок, затем вскочил и, хромая, побежал. Прогремел еще один выстрел. Пуля, пущенная Фархадом, сбита с головы Раджаба папаху. Тот схватился за голову и крикнул:

— Бахрам, ложись, они вооружены.

Единственная пуля Фархада так напугала беков, что они не догадались даже спрятаться за ближайшие кусты. Бросились прямо на снег и, не целясь, боясь поднять голову, стали стрелять.

Фархад стрелял до последнего патрона. Затем поспешил за крестьянами. Исмаил-киши стоял, поддерживаемый Лейлой. Фархад быстро подошел к ним, и они двинулись вперед с единственной целью — уйти подальше от села.

Утро застало их на заснеженном холме. Назад дороги не было: люди, которых Исмаил-киши привел в дом, как друзей, теперь, как враги, ожидали их возвращения. Кроме того, Исмаил-киши не в силах был двигаться. Хотя из раны кровь уже не шла, но старик хрипел и дышал с трудом. Фархад и Лейла кое-как устроили ему на земле ложе, и он лег. Его укрыли телогрейкой, взятой из дома Мурада. Точно такая же телогрейка была на Фархаде. Лейла была укутана в чадру жены Мурада.

Из-за крутых скал поднималось холодное зимнее солнце. Снег сверкал под его лучами.

Окружающую тишину нарушали только сдавленные рыдания Лейлы и хрип Исмаила-киши. Грудь его часто и тяжело вздымалась. Иногда на губах его выступала кровавая пена.

Дул холодный ветер. Деревья вокруг трепетали, словно в тревоге. И когда ветер в ущелье взвизгивал снег, то казалось, что женщины, которые вчера оплакивали покойника, пришли теперь рыдать здесь.

Вдруг глаза Лейлы широко открылись. Показав рукой в сторону, она сказала Фархаду:

— Посмотри... посмотри туда...

На сельской дороге показалась толпа людей.

...Мурада и Исмаила-киши похоронили в один и тот же день. Утром беки ушли в город за подмогой. Они хотели основательно наказать «восставшее село».

Вечером, когда на дороге, идущей из города, показался отряд всадников, Лейла и Фархад горной тропой вышли из села.

Перебираясь из села в село, из города в город, в мае тысяча девятисот двадцатого года они, наконец, добрались до Баку.

Наутро Фархад пошел искать мастера, чтобы отремонтировать рояль. Ему сказали, что человек по имени Алефсер занимается этим делом.

После нескольких дней поисков Фархад нашел Алефсера в комиссионном магазине. Кто-то из покупателей осматривал старый рояль, а Алефсер расхваливал его. Вскоре покупатель ушел.

Когда Фархад объяснил Алефсеру цель своего прихода, тот, как человек, решивший заработать любым путем, с готовностью спросил:

— Значит, вы хотите починить рояль?

— Да, если у вас нет здесь дела, идемте.

Алефсер приложил руку к глазам и сказал:

— Слушаюсь.

Фархад обратил внимание на то, что брови Алефсера напоминают хвост скворца, а глаза чуть раскосые.

Войдя в комнату, Алефсер сразу ринулся к роялю, блестящему под лучами солнца. В эту минуту он напоминал стервятника, завидевшего добычу. Еще не раскрывая рояля, он обошел его со всех сторон, внимательно осмотрел сверху, поглядел снизу.

Фархад смеясь спросил:

— Что так рассматриваешь? Коня, что ли, покупаешь?

Алефсер молчал. Он подошел к роялю, приподнял крышку и оглядел клавиши. Фархад в эту минуту подумал, что тот и на самом деле рассматривает инструмент, как коня. Как любитель смотрит в зубы лошади, так и он смотрел на клавиши, чтобы определить качество рояля.

Оглядев внимательно клавиатуру, Алефсер взял два—три аккорда и стал играть продолжение начатого в магазине сейгяха. Фархад заметил про себя, что на каком бы рояле Алефсер ни сыграл бы этот сейгях, он лишил бы инструмент покупателей.

Наконец, Алефсер снял ногу с педали и взглянул на Фархада.

— Если продаете, то я сейчас же найду покупателя.

— Нет, — решительно заявил Фархад, — не продаю, хочу отремонтировать.

Брови Алефсера дважды поднялись и опустились, и он с удивлением спросил:

— А что в нем ремонтировать? Он стоит как оседланный конь, садись и скачи!

Фархад показал сломанное место, Алефсер равнодушно оглядел его и сказал:

— Хотите починить этот краешек? А я-то подумал, что вы нарочно разбили, чтобы его не сглазили. По-моему, не надо трогать. Этот рояль я хорошо знаю. Разве в Азербайджане есть такое пианино или рояль, которых я бы не видел? Это рояль Акопа-киши... Раньше, то есть, был его... Затем перешел к одному человеку, звали его Бахрамбек. Вы его знаете?

— Знал когда-то...

— Вот армянку он бросил, а рояль, молодец, из рук не выпустил. С тех пор у нас с ним было одно недоразумение. Потом помирились. Я ему все говорил: «Давай продам твой рояль». А он отвечал: «Алефсер, я тебе ничего ценного не поручу». Подлец, продал тайно от меня.

Алефсер оглядел сломанное место.

— Вы знаете Акопа?

— Нет, не знаю.

— Он мастер ремонтировать такие повреждения. Если хотите починить — поручите ему, если вздумали продать — мне. Покупатель всегда найдется. Даже не надо отвозить в комиссионный магазин. Я так организирую...

Заметив склонность Алефсера к болтовне, Фархад перебил его:

— Где живет этот Акоп-киши?

Алефсер, как лошадь, которая не может сразу остановиться, повторил еще пару раз «организирую» и, наконец, назвал адрес Акопа. И сказал при этом:

— Акоп-киши вспомнит дочь, а дочь у него была красавица, жаль, что попала в руки дурного человека. Да, Акоп-киши сразу узнает свою вещь.

На прощание он еще раз напомнил:

— А когда будете продавать рояль, сообщите мне.

Фархад быстро нашел дом Акопа-киши. Дверь ему открыл мальчик. Когда Фархад спросил, дома ли мастер, мальчик, не отходя от двери, ответил:

— Сейчас узнаю. — И громко крикнул: — Дядя Акоп, дядя Акоп!

— Что, Мамед? Что случилось?

— Ты дома?

Акоп-киши, седой, согбенный, вышел из комнаты.

— Если бы меня не было дома, то как бы я тебе ответил, чертенок? Ты опять шутишь со мной?

— Нет, дядя Акоп, я не шучу. Вот этот дядя тебя спрашивает.

Акоп-киши остановился в недоумении.

— Вы меня не знаете, — сказал ему Фархад. — Я слышал о вас и потому пришел. У меня есть рояль, вчера монтер уронил на него молоток и разбил крышку. Я хочу, чтобы вы починили его.

— А ты не ударил этим молотком по голове монтера?

— Нет, не ударил.

— Напрасно... — Старик повернулся к Мамеду: — Пойди, принеси из моей комнаты шапку и палку.

...Отдыхая на каждом шагу, Акоп-киши, наконец, добрался до квартиры Фархада, поставил в угол палку, поздоровался с Лейлой и подошел к роялю. Он осмотрел поломку, прочел фирменную надпись и тихо произнес:

— Старый знакомый...

Затем он поднял крышку, посмотрел на струны, прочел номер. Пошарил по карманам, достал очки, надел их и заглянул внутрь рояля, осмотрел все его углы и вдруг, что-то увидев, отступил. Не то от волнения, не то от усталости его лицо покрылось каплями пота.

— Что случилось, Акоп-киши? Что вас так взволновало? — удивленно спросил Фархад.

Старик показал на угол рояля:

— Прочти, что там написано.

Фархад подошел и прочел имя, написанное крупным почерком: «Сирануш».

— Вы до сих пор не видели эту надпись?

— Нет. Чье это имя?

— Моей дочери. — Он отер лицо и грустно добавил: — У меня была дочь Сирануш. Это ее рояль. Потом украли и мою дочь, и этот рояль.

Дочь свою я нашел в двадцатом году, больной, разбитой. Вот столько лет прошло... И рояль вижу разбитым. До сих пор...

Он вдруг прервал себя и резко повернулся к Фархаду и Лейле. В его взгляде сквозили недоброжелательность и подозрительность.

— Кем приходится вам Бахрамбек?

Фархад ответил на этот вопрос вопросом:

— Откуда вы знаете Бахрамбека?

Акоп-киши злобно сказал:

— Я его знаю давно. Скажите, кем он доводится вам?

Фархад под впечатлением недавних воспоминаний резко ответил:

— Он наш враг.

— Он и мой враг, — сказал старик и, отложив в сторону отломанный кусок крышки рояля, опустился на стул. Потом, тоскливо оглядев рояль, продолжал: — У меня была единственная надежда и утешение... дочь моя. Бахрамбек погубил ее. Вот так же, как ваш монтер разбил этот рояль, он разбил наши сердца.

— Сядьте, Акоп-киши, и расскажите, что случилось с вашей дочерью?

— Что говорить? — сказал он и развел руками. — Мне больше восьмидесяти лет, но в те два года я испытал больше, чем за всю жизнь. Мою дочь погубила та проклятая пора... И единственную память, оставшуюся от нее, разбили вы.

— Не мы разбили, а монтер.

— Кто бы ни разбил...

— Монтер и есть тот самый Бахрамбек.

— Кто? Что вы сказали? — вскрикнул старик.

— Я сказал: Бахрамбек.

— Жив!

— Оказывается, да...

Фархад коротко рассказал о происшествии с монтером. Это известие как будто оживило старика. В его глазах появился странный блеск.

— Я вам расскажу, что случилось с моей дочерью. Только сперва вы скажите, почему Бахрамбек — ваш враг?

Из открытого окна противоположного дома раздались звуки тара. По радио передавали симфонический концерт. Казалось, будто дома улицы, город тонут в музыке.

Выслушав рассказ Фархада, Акоп-киши дрожащими руками взял стакан чая и, взглянув на Фархада и Лейлу, улыбнулся.

Рассказывая грустную историю дочери, он почему-то улыбался, словно на вершину древней горы падали лучи солнца и блестели на снегу.

...В Баку жить было тяжело, и Акоп с семьей переехал в Карабах. Его двадцатитрехлетняя дочь Сирануш недавно потеряла мужа. Акоп с трудом содержал жену и дочь. Он работал настройщиком роялей.

Рояль, который стоял в доме Фархада, он купил в приданое дочери. Сирануш играла хорошо. Умел играть на рояли и ее муж, умерший через два года после женитьбы от чахотки. Этот рояль, с большим трудом купленный Акопом, был самым дорогим подарком невесте. Вернувшись в дом отца, Сирануш перевезла и рояль. Она сильно тосковала по мужу, осунулась и побледнела.

В Баку такой мастер, как Акоп, не оставался без работы. Но в маленьком уездном городе ему не повезло. У жителей инструментов было мало, да никто и не заботился об их настройке.

Здесь все пели. От мала до велика у всех были голоса, как будто эти прекрасные горы, ущелья, бесконечные равнины, чистый воздух Карабаха очищали и укрепляли человеческое горло. Музыкальной школы в уездном городе не было, никто не получал образования. Народ сам выращивал своих певцов. И потому тар и кеманча в каждом доме были неизбежны, как утварь.

Способный, энергичный человек, Акоп начал делать кеманчи и тары. За короткое время он так набил себе руку, что его перламутровые инструменты завоевали славу. Нужда ушла. Он оставил хибарку, в которой поселился в первые дни, и перешел в более приличный дом. Для Сирануш выделили отдельную комнату. Настали дни некоторого достатка и благополучия.

Откуда же было знать Акопу, что его маленькое счастье было началом большого горя? В народе говорят: «Не смейся много — потом наплачешься».

Рядом с новым домом Акопа стоял особняк Бахрамбека. Акоп много слышал о беке. Рассказывали, что он гуляка, богат, имеет много друзей и родственников, жесток и безразличен. Девушки, попадавшие к нему в лапы, навсегда становились несчастными. Иногда бек и его гости выходили пьяными в сад. Они лазали по деревьям, ругались, шутили, боролись. Любимая игра состояла в том, что каждый вытянувший жребий обязан был залезть на самую верхушку грушевого дерева. Оставшиеся внизу целились из винтовок в ветвь, которую он держал в руках, и стреляли. Правда, привыкшие с детства к стрельбе, охоте, беки стреляли метко. Но все же, что можно было ожидать от пьяного человека? И потому эта игра легко могла завершиться кровавой трагедией.

Однажды, взобравшись на грушевое дерево, Бахрамбек увидел стоящую у окна Сирануш. Бахрамбек тотчас забыл и забавы, и гостей, и все на свете. И с этой минуты больше ни о чем не мог думать. В тот же день он составил при помощи своего близкого друга Раджаббека план наступления на красавицу.

Конечно, ни Акоп, ни его дочь не знали обо всем этом.

Вскоре к ним зашел высокий, худой молодой человек. Акоп сразу узнал его. Парня звали Алефсер. Прежде он работал конюхом Бахрамбека. Потом он бросил это дело. Имея небольшой голос, он довольно приятно пел. Потому он всегда присутствовал на пирушках бека, развлекал гостей своим пением, мог ловко танцевать, хорошо передразнивал других и смешил этим собравшихся.

Среди слуг бека только Алефсер имел доступ на женскую половину. Молодую жену Бахрамбека только Алефсер возил на фаэтоне. В баню только Алефсер относил ее вещи. Короче, в доме Бахрамбека он был ничем и всем.

Украдкой поглядывая на Сирануш, Алефсер сказал, что Бахрамбеку срочно нужно настроить рояль. Акоп пошел посмотреть рояль бека. Целого места на инструменте не было, даже дерево прогнило. Акоп с удивлением спросил у бека: если в доме никто не играет, то зачем он купил рояль и почему рояль в таком состоянии?

Пьяный Бахрамбек, еле державшийся на ногах, тоже удивился. Как то есть «в таком состоянии»? Что случилось с роялем? Он повернулся к Алефсеру, стоявшему почтительно в стороне, и сказал:

— Ну-ка, наддай.

Алефсер щелкнул пальцами, сел, нажал на педали и изво всех сил стал барабанить сейгях. Теперь Акоп понял, почему рояль в таком со-

стоянии. Он сказал, что подберет необходимый материал и через несколько дней приступит к починке.

На следующий день Акоп встретил Бахрамбека на базаре. Тот прошел, будто не заметив его. А когда Акоп вернулся домой, дочь сказала, что сосед сам приходил и спрашивал его. Акоп удивился. Зачем понадобился беку этот рояль, который годами был заброшен, разве нельзя было подождать еще два дня?

А когда это повторилось и на другой день, удивление перешло в подозрительность. Опять Бахрамбек, встретив его на базаре, не сказал ни слова, а придя к ним, просидел два часа — якобы ждал мастера.

Акоп понял, что бек интересуется не им, а дочерью.

Это напугало его и жену. Ведь Сирануш их единственная дочь, и ей грозит опасность попасть в лапы такому волку, как Бахрамбек. Что же делать?

Пока они раздумывали об этом, бек делался все настойчивее. Теперь, не видя нужды в каком-либо поводе, он два-три раза в неделю наносил им «визиты».

Акоп был мирный, гостеприимный человек. Ни разу за свою жизнь он ни с кем не поругался, никого не обидел. Как он мог прогнать Бахрамбека из дому? Особенно пугала Акопа смутная, беспокойная пора, в которую они жили. Чтобы задуть революционное движение, богатеями была спровоцирована вражда между двумя народами. Одно неосторожно сказанное слово могло бы погубить Акопа. И поэтому ему ничего не оставалось делать, как уехать. Акоп отлично знал, что Бахрамбек, посещающий его дом так часто, несмотря на всю свою благопристойную внешность, был человеком грязным и низким.

Акоп совсем уже было собрался уехать из города, как наступила холодная зима. Снег выпал в рост человека. Два крестьянина, пришедшие к нему в лавку за таром, говорили, что кругом свирепствуют волки, что невозможно выйти на улицу.

В такое время рискованно было переезжать куда-либо. К счастью, в это время Бахрамбека мобилизовали. Мусаватское правительство не могло сохранить свою армию. Дезертирство из нее становилось массовым. Чтобы бороться с этим и возвращать дезертиров, в села были направлены «уважаемые» люди.

Только поэтому Бахрамбек на некоторое время оставил в покое Акопа. А тот продолжал готовиться к переезду в Баку.

К этому времени в городе иссякло топливо. Платы за один тар не хватало для покупки вязанки дров. Дрова продавались поштучно. Бедняки мерзли от холода.

На помощь Акопу пришел сосед Джумшуд.

Рабочий с кирпичного завода, находившегося на окраине города, Джумшуд жил по соседству в маленькой хибарке со своей матерью. Он был смелым, добрым, пользовался среди бедняков большим уважением, молодежь клялась его именем.

Еще осенью Джумшуд купил у Акопа тар. На досуге он учился играть на нем. Почему-то Сирануш интересовалась его игрой. В лунные ночи они часто переговаривались, стоя каждый у своего окна, затем иногда выходили во двор (между дворами был плетень забор) и подолгу беседовали. Акоп не знал точно — было ли это простой случайностью, желанием поболтать, или же началом большого, настоящего чувства. Кто знает... Быть может, ненависть к Бахрамбеку возбудила в ней любовь к Джумшуду.

Если бы не Джумшуд, семья Акопа в те холодные, морозные дни испытала бы много лишений.

В городе распространилась молва, что в селе Себетли произошло восстание, что Бахрамбек и Раджаббек попали в перестрелку. Рассказывали, будто все дезертиры собрались в этом селе и будто их главарь по имени Исмаил был связан с Россией, с большевиками, и потому Бахрамбек собственноручно расстрелял его. После этого события беки, прибывшие в город на один день, собрали большой отряд и выступили в поход на «восставшее село».

Через несколько дней пришло новое известие: село Себетли горит.

Беков и их друзей встречали как героев. Это событие так раздули, что весть о нем дошла до Баку. Беков, подавивших восстание в Карабахе, мусаватское правительство поздравило телеграммой.

Пирь, гулянья, пьянки устраивались каждый день.

В один из таких дней пришел Алефсер и официально пригласил Сирануш в гости к беку. Сирануш отказалась, тогда явился Раджаббек и от имени хозяина дома снова пригласил ее. Но и он ушел ни с чем. Наконец, пожаловал сам Бахрамбек и пригласил к себе соседей всем семейством, добавив, что «дорогих гостей будет сопровождать сам».

Но по-хорошему опять не получалось, гости от приглашения отказались, и Бахрамбек решил прибегнуть к силе. Сирануш спряталась в своей комнате. Мать была в обмороке. Оказавшись в безвыходном положении, Акоп начал просить:

— Пощади, бек, ради своих детей, пощади. Мы на чужбине... Бедные люди. Единственная дочь у меня. Она несчастна, больна.

Эти слова на минуту, казалось, смягчили Бахрамбека.

— Акоп-киши, какое мне дело до твоей дочери, — сказал он, успокаивая его. — Если дочь больна, пусть остается дома. Ты сам с женой посиди у нас... Пусть лопнут сердца дашнаков! Быстрее собирайся, идем.

Акоп несколько успокоился и вместе с женой направился к Бахрамбеку.

...В зале собралось много народа. Стол был заставлен блюдами, но все так перемешалось, что нельзя было понять кто и что ест. Видно, пир начался давно.

Акоп и его жена сели, но не притронулись к еде. На душе у них было беспокойно, кусок не лез в горло. Но никто не обращал на них внимания. Возле дверей играли музыканты, и лысый мужчина с достоинством пел раст. Но музыку никто не слушал. (Акоп обратил внимание, что перламутровый тар, на котором играл музыкант, был сделан им.) Бахрамбека и его друзей в комнате не было, они куда-то ушли. Хозяина дома заменял Алефсер. Он часто проходил в соседнюю комнату, что-то говорил там молодой жене бека, и та громко хохотала...

Немного посидев, Акоп встал и вместе с женой вышел. Никто не мешал им.

Но придя домой, Акоп понял, что Бахрамбек подстроил им ловушку. И он, Акоп, по простоте своей попался в нее.

Двери комнаты, так же, как и ворота дома, были настежь открыты. Акоп вбежал в комнату, зовя свою Сирануш, но увидел страшный беспорядок — здесь шла борьба. Сирануш не было. Бахрамбек похитил ее.

Некоторое время не было известий ни о Сирануш, ни о Бахрамбеке. Акоп обошел все дома города, но никто не видал ни его дочери, ни бека. Через десять дней больная жена Акопа умерла с горя.

У жены была хоть могила, к которой Акоп ходил лить слезы. Но где была Сирануш? Жива ли она или умерла? Никто этого не знал. Акоп надеялся, что смерть жены возбудит в душе похитителя жалость. Но нет,

время было такое, что у одних сердца таяли, как воск, а у других — превращались в камень.

Вдруг по городу пополз странный слух. Все говорили о том, что молодая жена Бахрамбека сбежала с Алефсером.

Это известие заставило Бахрамбека появиться в городе. Наверное, он забыл и Сирануш, и пиры: была затронута его честь. Жена опозорила его, сбежав с каким-то проходимцем.

Всполюшились и друзья Бахрамбека. Беглецов искали, как утерянную иголку. Акоп, воспользовавшись случаем, пошел к Бахрамбеку. Но бек не принял его и велел сказать, что ничего не знает о его дочери.

Целые дни и часто даже по ночам Акоп ходил по улицам в надежде услышать голос, может, крик или стон своей дочери. Он останавливался возле каждого дома и прислушивался. В голову приходили самые мрачные мысли: может быть, Сирануш заключена в темницу, тяжело больна или ее совсем нет в живых?

В одну из ночей, когда он шел по улице, к нему подошел неизвестный человек и шепнул:

— Твоя дочь в доме рябого Раджаба.

Акоп не знал, что в народе Раджаббека зовут рябым Раджабом.

— Кто это такой рябой Раджаб?

— Бек.

— Где его дом?

— Его дом — крепость. Одному тебе туда не попасть. Мы поможем.

В темноте Акоп не разглядел лица говорившего. Правду ли тот говорит или это была какая-то новая ловушка — он еще не знал.

Незнакомец, видя, что Акоп молчит, сказал:

— Не бойся! Мы друзья тебе.

— Я чужой в этом городе, у меня нет друзей.

— Мы друзья всем бедным и несчастным. — Затем, еще более понизив голос, добавил: — За два дня соберись и выезжай из города. После завтра под вечер жди возле двух чинар. Мы похитим твою дочь и приведем к тебе. Уедете, куда захотите. Оставаться в этом городе вам опасно.

Сказав это, человек исчез. В ту ночь Акоп не спал до утра. Голос говорившего казался ему знакомым. Но он не мог вспомнить, где встречал его. Верить или не верить его словам? Наконец, решил, что поступит так, как тот говорил. Все равно в жизни потеряно все. Темнее черного цвета ничего нет.

Акоп распродал по дешевке вещи, простился с могилой жены, нанял подводу и в условленное время уже находился у двух чинар.

Смеркалось. Снежные вершины дремали, словно укутанные в дымчатую голубую ткань.

Он долго ждал. Наконец, по дороге из города показались силуэты двух всадников. Когда они приблизились к чинарам, Акоп заметил, что на одном из коней сидели двое. Он быстро соскочил с подводы и побежал навстречу. Всадники разом сошли с коней и помогли сойти третьему...

Человек этот, укутанный в бурку, подошел к Акопу.

Отец и дочь бросились друг к другу в объятия. Сирануш плакала. Один из стоявших в стороне подошел к ним и тихо сказал Акопу:

— Получай, дядя, вот тебе твоя дочь. Постарайтесь быстрее отправиться отсюда. Бек скоро все узнает и может начать погоню. Езжайте не по шоссе, а по проселочной дороге.

Наконец-то, Акоп узнал говорившего и пожал его руку.

— Спасибо, — сказал он шепотом, — ты меня из мертвых воскресил...

— Я и сам чуть не умер, Акоп-киши. Нас обоих воскресила Сирануш. Смелая, не покорилась... Боролась, пока я не пришел на помощь.

Потом он повернулся к ней и сказал:

— Спасибо, Сирануш. Мы уходим, здесь опасно стоять.

Они простились. Сирануш дрожащим голосом спросила у отца:

— Куда мы едем, отец?

— В Баку едем, дочь моя.

Сирануш сказала человеку, с которым прощалась:

— Я буду ждать тебя в Баку, Джумшуд.

И они расстались.

Но после этого уже не встретились.

Отряд Джумшуда впоследствии вырос. В него влились революционно настроенные армянские юноши. Но существовал отряд не долго. Он столкнулся с регулярными войсками мусаватистов. Многие из отряда погибли на поле битвы, другие были рассеяны, а Джумшуд, получивший три пулевых раны, попал в Шушинскую тюрьму и там умер...

Акоп уложил Сирануш на матрацы, которые он постелил в подводе. Ее лицо и руки были исцарапаны, в синяках.

До утра они ехали по проселочной дороге. Днем отдохнули, а ночью опять тронулись в путь. Так они ехали три дня, прячась от людей, полагаясь на ночную темноту, и, наконец, достигли станции Евлах.

Когда подвода проезжала мимо убогих хижин Евлаха, их сзади нагнал фаэтон, запряженный парой прекрасных вороных коней. На козлах сидел Алефсер.

Проезжая мимо арбы, Алефсер приостановил коней и сказал, нагнувшись к Акопу:

— Акоп-киши, дай бог тебе удачи. Одну из жен бека похитил я, другую — ты... Он остался со своей старой ведьмой. Говорят, составил большой отряд и ищет нас. До свидания. Будь осторожен.

До Баку доехали благополучно и две недели жили спокойно. Сирануш, потерявшая мать, находила единственное утешение в рояли, целыми днями не вставая из-за него. Очень часто отец просил свою дочь сыграть «крюк» — это была любимая его песня. Сирануш играла ее с глубоким волнением. Кто знает, какие чувства возбуждала эта песня в ней? Может быть, она уносила ее в горы Карабаха, к Джумшуду?

Спустя две недели на жизненный путь отца и дочери снова легла тень Бахрамбека. Здесь, в большом городе Акоп и его дочь оказались совершенно беспомощны. Борьба длилась всего одну неделю. Затем Акоп, чтобы он не сопротивлялся и не мешал, без суда и следствия, ради одного бекского «мен элюм», «я прошу», арестовали и посадили в тюрьму. Вдали от дочери, в безвестии, Акоп томился в заключении несколько месяцев. В двадцатом году, в дни революции, он вышел на свободу.

Долго бродил он в поисках дочери по городу. Наконец, через два месяца ему указали на квартиру Бахрамбека. Здесь он нашел Сирануш, покинутую, больную чахоткой. Бахрамбек бросил ее и куда-то исчез. Рояля у дочери не было. То ли бек продал его, то ли увез с собой, было неизвестно.

Сирануш жила недолго. Она умерла в холодный ветреный день.

Старый мастер, рассказывающий грустную историю, напоминал людей, сидящих в музее и перелистывающих пожелтевшие страницы прошлого.

До вечера сидели они вместе. Прошлое перемешивалось с настоящим. Только вечером, когда зажглись электрические огни, Акоп-киши ушел. Расставаясь, он сказал:

— Я познакомился с вами, и мне кажется, что нашел свою семью, которую давно потерял. С этого дня я стал любить Лейлу, как свою родную дочь. И лицом она похожа на нее. Буду изредка приходить к вам — послушать музыку, пожить немного прошлым.

Они расстались как давние друзья, как близкие родственники.

...Фархад был членом жюри на концерте молодых исполнителей в филармонии и должен был присутствовать на заключительном концерте. Поэтому он так рано вышел из дому. По дороге он остановился возле учьего-то окна. Кто-то на кеманче играл «Осень» из «Времен года» Чайковского. Фархад, задумавшись, продолжал свой путь.

Его мысли были прерваны голосом Алефсера, подошедшего к нему.

— А Бахрамбек-то куда-то исчез. Интересная судьба — родился как человек, жил как волк, убежал как заяц. Да, кстати, есть прекрасное пианино... Еще Манташев привез его для себя из Парижа. Купите?

Фархад ответил, что не думает покупать пианино, и они расстались.

Спустя несколько дней Акоп-киши приступил к ремонту рояля. Глядя на руки мастера, исправляющего инструмент, Фархаду казалось, что в его доме лежит тяжело больной и что хирург лечит его, оперирует...

Наконец, проработав целый день, Акоп-киши завершил работу.

— Ну, теперь посмотрите внимательно и скажите, можете ли найти поломанное место?

И на самом деле, рояль был починен с большим искусством.

Потом они долго сидели возле рояля молча. Наконец, Акоп-киши, оторвавшись от тяжелых дум, сказал Лейле:

— Дочь моя, сыграй мне крунк.

Лейла села за рояль, комнату наполнили звуки грустной мелодии. Но вот звуки под искусными пальцами Лейлы изменились, наполнившись глубокой торжественностью чаргяха. Будто кто-то захлопнул грустные страницы книги жизни и раскрыл другую, новую книгу.

Лейла встала из-за рояля, но они еще долго слышали эту музыку: она звучала в их сердцах.

Перевод Ю. ГРАНИНА

